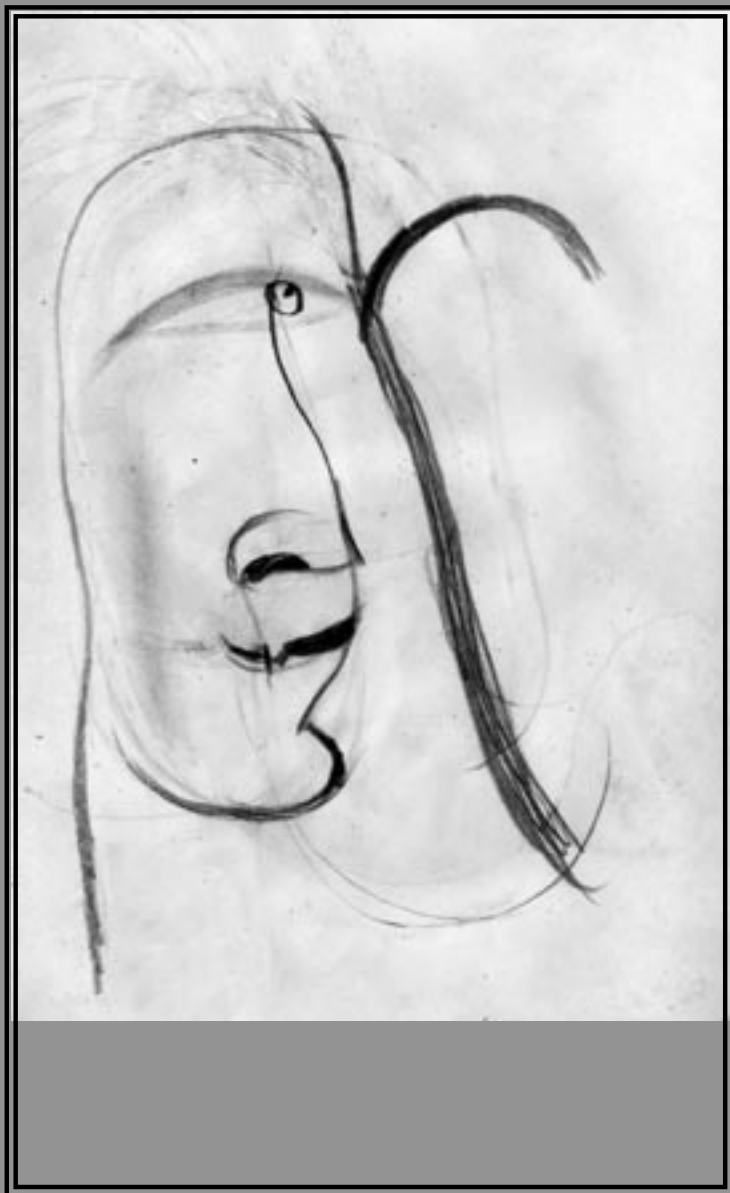

Виктор
Крючков

Эпоха
ПОСЛЕДНИХ МИНУТ
СТИХИ

Рязань
Издатель Ситников
2007

Виктор
Крючков

Эпоха
последних
минут

ББК 84(2 Рос=Рус) 6 Ряз
К 85

Крючков В.В.

К 85 Эпоха последних минут: стихи / ред. И. Красногорская; худож. С. Ковригин. — Рязань: Издатель Ситников, 2007. — 96 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-16-3

В руках у читателя четвёртый сборник стихотворений поэта, члена Союза российских писателей Виктора Крючкова. В книгу «Эпоха последних минут» вошли преимущественно стихи, написанные уже в начале века. Стихи о современном городе, житейских коллизиях, пережитых чувствах — на самом деле стихи о нашем Времени. И этим они будут интересны неравнодушному читателю.

ББК 84(2 Рос=Рус) 6 Ряз

ISBN 978-5-902420-16-3

- © Издатель Ситников, 2007
- © Крючков В.В., стихи, 2007
- © Ковригин С.И., художник, 2007
- © Ситников К.Н., оформление, 2007
- © Каширин Е.Н., фото, 2007

Об авторе и его книге

Название сборника «Эпоха последних минут» звучит величественно, сакрально и очень красиво. Главное полностью отражает его содержание: сборник составлен из стихотворений, порождённых первыми годами после Миллениума. Так и кажется, что его должна иллюстрировать репродукция «Расплюснутого времени» Дали.

Многие художники слова обращаются к равновесию мимолётного и вечного, к неизбывной формулировке: «Вечности заложник у времени в плену». Думаю, что для поэта пребывание именно в такой системе координат нормально. Так как для него каждая минута — словно бы последняя. Однако ни об одной книге труженики пера из суеверия не скажут «последняя», — говорят новая, очередная, только что вышедшая, какая угодно, только не крайняя точка на вневременной шкале (которая, к слову, и конца-то не имеет...).

Но для Виктора Крючкова одухотворение Времени, можно сказать, его визитная карточка, его излюбленный сюжет и философская концепция. Достаточно отметить, что первый его поэтический сборник, вышедший в Рязани в 1993 году, так и назывался — «Время». И открывался пусть не безупречными с точки зрения высокой поэзии, но глубоко прочувствованными строчками:

Время в улице моей
растворилось, словно тая,
белым пухом пролетая,
в сонном шелесте теней...

Тишина глухонемая...
Лишь сквозь сумрак иногда
меркнет нежная звезда,
время мне напоминая.

Только неизменный, неизмеримо дольше нашего восприятия объект напоминает человеку о времени, тогда как бытовые фрагменты: индевеющая колея, дуновения ветра, пригоняющего то ли туман, то ли сумрак, чёрная стена бора, различимая за церковною главой,— есть признаки вечности! Смело? Да. Эпатажно? Вероятно. Небесспорно? Конечно. Но тот, кто изрекает прописные истины, и не имеет права называть себя поэтом. Вторая книга стихов Виктора Крючкова (1997 год) называлась «Порог». Явственно прослеживаются те же аллюзии: черта, рубеж, межа, преодоление, перелом. И, разумеется, главный герой сборника снова время. Многоликое, порой даже неузнаваемое: от названия стихотворения «Седьмой класс» и пейзажных зарисовок:

Забытый обветшалый двор...
Из прошлого напоминаем...

...Дубов столетних бурелом...
Поставлен сруб для мирной брани...

и до наивных, но настойчивых попыток управлять временем:

Ах, если б не было минут,
когда кончается терпенье...

Между мной и ним слова
и в пространстве в красках время.

Третий сборник, «Весы» (2002 год), развивал эту же самую тему в соприкосновении с Божественным:

На иконе — весы,
и рука не дрожит.
Ты забудь про часы —
в чашах вечность лежит.

Думаю, цитат достаточно для того, чтобы подкрепить мою основную мысль: Виктор Крючков «мегатемой» своего творчества выбрал Время. Более чем десятилетнее служение поэту этому вопросу в искусстве говорит о том, что выбор угла зрения был не случайным, а с годами накопился опыт и знания. Что и позволяет автору сегодня с полным правом окрестить свой новый сборник «Эпохой последних минут», посвятив его любимому герою, Хроносу. Время в этой книге, на мой взгляд, более живое, одухотворённое, чем оно являлось Виктору раньше. Возможно, это впечатление связано с тем, что эпитет «эпоха последних минут» дышит социальной направленностью. И, действительно, в этом сборнике сошлись стихотворения привычного для Крючкова лирико-философского плана:

...а мысль — не далее бордюра...

И опыты над «препарацией» реальности, начинающиеся всегда с обыденных зарисовок:

Я один с сигаретой,
небо матово-белое,
фонари расплылись...

А также стихи, внешне похожие на проявления так называемой «гражданской позиции»:

Мир стреляет в упор —
у меня только строчки...

Следует заметить, что Виктор Крючков принадлежит к плеяде «городских» поэтов, и реальность, всплывая в его произведениях, урбанистична. На этом фоне слегка удивляет стихотворение, посвящённое живой великоросской речи, сохранившейся в деревнях. Но только слегка и только на первый взгляд.

А утром слушать местных,
слушать кожей...
— Вчарась в Урядье влезли в хлев волка,
овцу задрали.
— Крестная! У коже?
— У Тонюшки...
вятёлка у мостка.

Концентрированная поэтичность диалектной рязанской (скорее даже, вятической) речи с её бесшабашным «яканьем» и есть основной предмет этого стихотворения. Народные мотивы абсолютно не свойственны Крючкову. Однако, единожды проявившись, они оказались выраженными достойно. За строчками, «пародирующими» деревенскую речь в восприятии приезжего филолога, скрывается то же Время, точнее, вековечность этой самой речи, её неизменность в быстро меняющемся мире. Есть такие уголки на планете, где время словно застыло, и формальные признаки эпохи сохранились такими же, какими были ещё, должно быть, до революции...

И напрямую связан с историей в её традиционном понимании, со знаменитыми страницами прошлого своего края, чем и выделяется в творчестве Виктора Крюčkова, цикл о Ерлинском дендрарии, интереснейшем месте, достойном стать достопримечательностью Рязанщины...

Но подробнее о нём, разумеется, не здесь и не сейчас. Прочитавшим же хотя бы несколько стихотворений под общим названием «В Ерлинском парке», и даже тем, кто не знаком с этим парком, станет ясно, чем и кем прославлено имя Сергея Худекова и его усадьба Ерлино (Кораблинский район Рязанской области).

Жизнь забрасывала автора сборников «Время», «Порог», «Весы» и «Эпоха последних минут» и в города, и в сёла, и в чужие страны. Его богатая биография дала антураж его стихотворениям,— в них часты театральные мотивы, быть может, сказалась прошлая профессиональная актёрская деятельность. Но, к счастью, Виктор Крючков не входит в безграничное множество поэтов, способных рассказывать лишь о том, что пережили, видели или изучали. Он относится к более редкой категории людей, способных писать вообще, излагать свои мысли в поэтической форме.

И если спросить меня, как я отношусь к этому поэту, то, не впадая в славословие и не закрывая глаза на недостатки Крюčkова — стихотворца (кто от них свободен, скажите, пожалуйста?!), я отвечу: это образованный, подкованный во многих, в том числе и теологических, вопросах, и равнодушный человек, это исповедник собственной поэтической теории, это автор, сумевший стать ни на кого (особенно в нашем городе) не похожим. По-моему, достаточно, чтобы признать человека состоявшимся в поэзии.

Если же вернуться к представлению сборника, который уже «тикает», как часовой механизм, в руках держащего его читателя, то... Не обращайте внимания на перечисление основных тем, которое сделано выше!

На самом деле, любая градация творчества любого поэта условна и субъективна. То же самое можно сказать и о поэзии Виктора Крючкова. Четыре десятка стихотворений, отражающих так или иначе «эпоху последних минут», невозможно рассортировать по тематике, образному ряду или концепции (впрочем, если это кому-то удастся, спорить не стану!). На мой же взгляд, их роднит то, что все они есть «последние минуты». И то, что в каждом стихотворении всплывает временной мотив. Если провести примитивный количественный анализ частоты употребления слов «время», «вечность», их синонимов, символов, эвфемизмов и иносказаний, получится, что ни о чём другом Виктор Крючков говорить просто не в состоянии. Почему? Не стоит ли спросить у автора? Или просто прочитать его книгу и самому сделать вывод?

Лауреат Астафьевской премии, премии журнала «Урал» за 2006 год в номинации «Критика»

Елена Сафронова

Эпоха последних минут

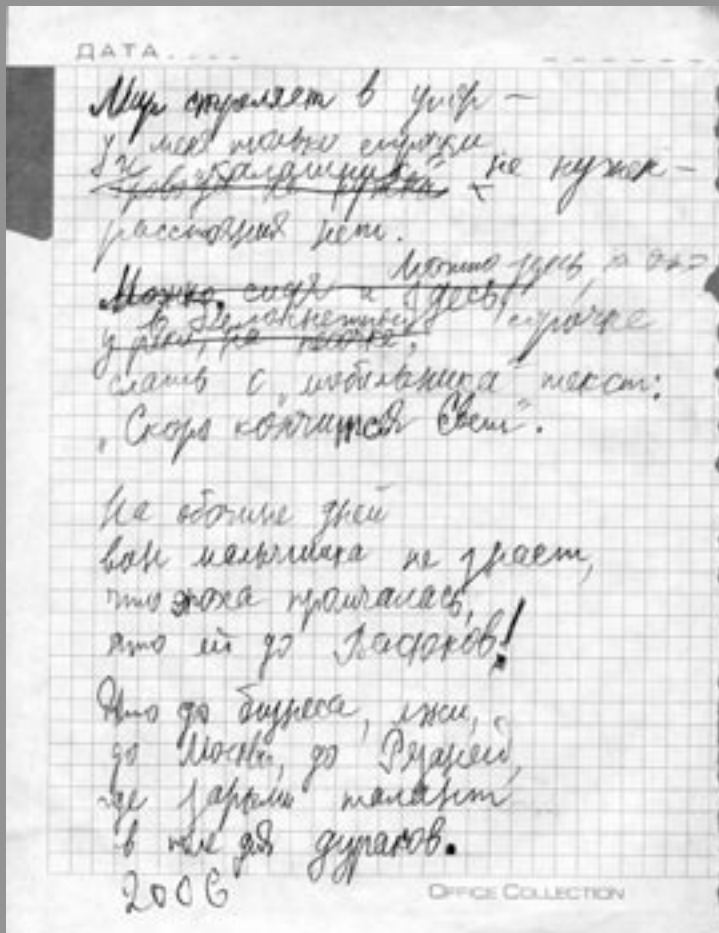
Эпоха последних минут,
эпоха надломленной воли.
Лишь миг – страсти совесть сотрут.
Подонки!.. В какой же ты роли?

Эй, где вы, оракулы дня?
Эй, где ты, глашатай о вечном?
Вы все так смешили меня,
как девки в фате подвенечной.

И что мне от завтра? С того?
Пустынное жёлтое поле...
На стуле она... без всего...
Всё та же картинка...
Я болен...

Предательством будет игра.
Снимаю проклятую маску.
Мир сдохнет от лжи!..
Мне пора,
осталась последняя ласка.

2005

Мир стреляет в упор —
у меня только строчки.
Не нужны автоматы —
расстояния нет.

Можно хоть и сейчас
в белоснежной сорочке
слать с «мобильника» текст:
«Скоро кончится Свет».

На обочине дней
вон мальчишка не знает,
что эпоха промчалась,
что ей до Васюков!

Что до бизнеса, лжи,
до Москвы, до Рязаней,
где зарыли талант
в поле для дураков.

2006

Ах, если б не было минут,
когда кончается терпенье
и вдруг приходит вдохновенье, —
твои слова тебя несут.

И проявляются тогда
в забытых шторах свет и тени.
Ох, эти прежние сомненья!
В окне — извечная звезда.

Так тихо... Зеркало... Стена...
К себе я возвращаюсь новый.
Отбросив прежние оковы,
какие встречу имена?

И вновь я слышу скрип колёс...
Бредёт лошадка по дороге,
и удаляются тревоги.
Вокруг торжественно до слёз.

1987

Как кадры, в памяти давно
рассвет, какой-то полустанок...
Стоит так странно... спозаранок...
подросток-девочка... Окно

поплыло... Не сообразишь
так сразу, что не повторится
вот этот миг, не возвратится
лицо. Туда не побежишь.

Как наваждение... до слёз...
припухшая губа... плечами
вся подалась вперёд... с мечтами...
Белки подтаяли от грёз.

Как защемило!.. Простоты
так захотелось в исступлении!..
И я поймал своё смущение
от первозданной наготы.

1989

На иконе — весы,
и рука не дрожит.
Ты забудь про часы —
в чаше вечность лежит.

Взгляд святого суров,
и одежда проста.
И не надобно слов,
коли совесть чиста.

И дорога твоя
никуда не спешит.
Помолись, проходя,
если мысль согрешит.

Полюбил — ну и рад.
Поклонись, то — судьба.
Но слова невпопад,
давит мыслей гурьба.

Словно ты в забыты,
растворённая даль.
И на этом пути
распласталась печаль.

1992

На просёлочной дороге лужи,
жёлтая вода от жёлтого заката.
Зной грозой расколот и остужен,
и вдали ещё громовые раскаты.

Жёлтыми пластами воздух пьяный
вздрагивает, движимый парами.
Комары витают роем рьяно,
и несётся лай над дальними дворами.

Сколько жёлтой краски на заборах,
на столбах, стогах! За ними — тени,
длинные и чёрные... Просторы
погружаются во тьму. И вот мгновенье —

жёлтую полоску скрыли тучи.
Всё померкло. Ночь. Пришла. Какая?
Может, мыслями меня измучит?
Да, но мне ещё дойти до края,
до того, где очертания сарая.

1993

А что за этою строкой?
А что за этими дождями?
Напрасно я ловлю рукой
его, с прозрачными гвоздями.

А что за этой тишиной?
А что за отраженьем в луже?
И ты проходишь стороной,
и разговор уже не нужен.

И всё объяла немота:
и сумерки в речной долине,
и леса мрачную черту,
и колею из красной глины...

Дождливой сыростью дышу —
предвестье осени глубокой;
и я как будто не спешу,
и лето стало столь далёким.

Вот долгожданный огонёк,
и начинаются задворки,
и лай собак... И невдомёк,
что день уже на книжной полке.

Какие мысли иногда
рождает старая дорога!
И за строкой — строка, года
и постоянная тревога.

Над головою Млечный Путь,
попробуй тут побыть беспечным;
ты ощущаешь эту жуть,
но как в словах представить вечность?

1993